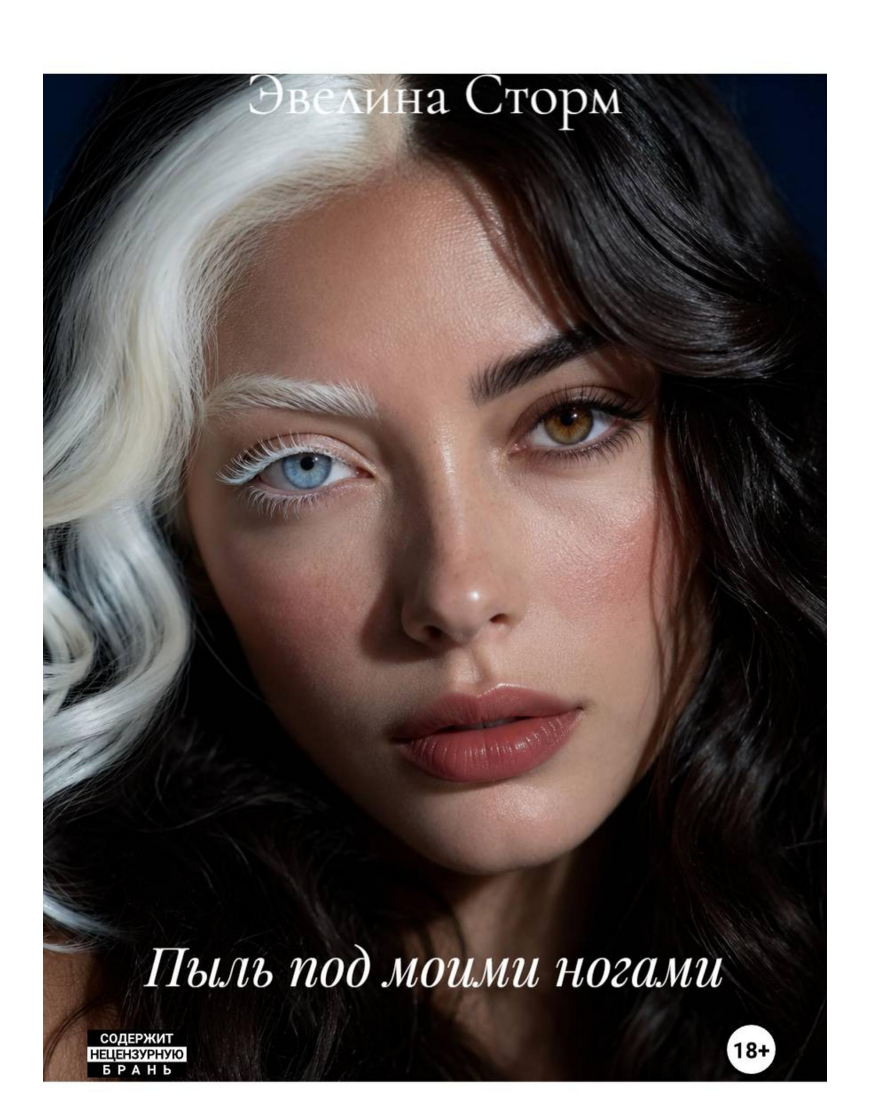

Эвелина Сторм

Пыль под моими ногами

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эвелина Сторм

Пыль под моими ногами

<https://litres.ru/74229493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аврора Голден возвращается в город детства, чтобы начать новую жизнь. Но первый день в университете приносит встречу с прошлым: Эрик Блэкторн — её сосед, её первый друг и человек, который теперь смотрит на неё с ненавистью. Он называет её «пылью», унижает при всех, но Аврора чувствует: за этой маской скрывается боль, которую она когда-то забыла.

Эрик не может быть с ней — его враги убьют любого, кто станет ему дорог. Но когда Аврора узнаёт правду, она понимает: между ними не ненависть, а одержимость, которая не угасла за пятнадцать лет. И она готова бороться за него, даже если это будет стоить ей жизни.

Для поклонников дарк-романов, токсичной страсти и историй о «плохих парнях».

Содержание

Триггеры:	5
Предупреждения для читателей :	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	40
Эрик	40
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эвелина Сторм
Пыль под моими ногами

Триггеры:

Жестокое обращение с детьми

Домашнее насилие

Криминальный мир

Шантаж

Буллинг в школе/университете (травля, порча вещей, публичное унижение)

Грубый, жесткий секс (BDSM-элементы: наручники, плетка, свечи, доминирование)

Секс без прелюдии

Эмоциональное насилие в отношениях

Психологическое давление

Откровенные сцены сексуального характера (минет, вагинальный секс, использование предметов)

Предупреждения для читателей :

Здесь нет счастливых принцев. Здесь есть боль.

Если тебя это пугает — не читай.

**Твоя голова — это всё, что у тебя
есть. Не разбивай её ради книги.**

Глава 1

Я сижу в своей новой комнате, которая пахнет пылью и бабушкиной выпечкой. Этот запах окутывает меня с головой, смешиваясь с чем-то сладким и неуловимо далёким — будто из другого времени. Я переехала сюда вчера, оставив всю свою жизнь в другом городе. И всё из-за измены отца. Я закрываю глаза и падаю на спину, утопая в мягком пушистом пледе, который бабушка постелила на кровать. Он пахнет лавандой. Отец изменил маме и в итоге женился на другой. Я должна ненавидеть его. Должна чувствовать хоть что-то — злость, обиду, горечь. Но внутри меня только пустота. Глубокая, как колодец, в который я проваливаюсь уже который месяц.

Я оставила всё: друзей, свою привычную жизнь, своего парня. Наши отношения были обречены с самого начала, я знала это. Я не верю в любовь на расстоянии. Мои родители никогда не любили друг друга — я чувствовала это с самого детства, хотя тогда не могла подобрать слова. В нашем доме никогда не было нежности. Отец всегда оставался холодным и отстранённым, как ледяная статуя в гостиной, а мать... моя мать вела себя как светская львица: любила ходить в театры с подругами и сидеть в дорогих ресторанах, попивая терпкое красное вино и обсуждая чужие сплетни. Я никогда не видела их по-настоящему счастливыми. Они даже спали в раз-

ных комнатах — как чужие люди, которых связывали только общие счета и моя фамилия.

Я тяжело вздыхаю и переворачиваюсь на бок. Я могла остаться с отцом. У меня был такой выбор. Но когда я увидела мать, сидящую на кухне в одиночестве, с размазанной тушью, которая чёрными потоками стекала по её щекам, и пустой бутылкой вина в руках, мне стало её жалко. Я никогда не видела её такой — разбитой, потерянной, почти прозрачной. Она всегда была сильной, собранной, независимой. А тут сидела и плакала, как девчонка, которую бросили на выпускном. Я не понимаю, что её так задело. Они ведь не любили друг друга. Зачем плакать о том, чего никогда не было?

Этот дом, эта комната... Я прожила здесь своё детство. Но я не помню ничего. Ни одной яркой картинки, ни одного тёплого воспоминания. Я даже бабушку не помнила, когда мы встретились на пороге. Мы с ней редко общались все эти годы — только короткие звонки по праздникам, сухие поздравления и вечные наравоучения. Она всегда учила меня жизни, поправляла, критиковала. Казалось, я никогда не делала ничего правильно в её глазах. Она была недовольна всем — от моей одежды до выбора профессии. Я знаю причину: она злится на мать, потому что та когда-то вышла замуж за моего отца против воли всей семьи. И теперь бабушка не перестаёт напоминать ей об этом — каждый день, каждой фразой, каждым косым взглядом.

Но моя комната мне нравится. Она странная, немного ска-

зочная, как будто я попала в чей-то детский сон. Основной свет здесь создают гирлянды с тёплым жёлтым свечением — они оплетают стены, выются вокруг моей кровати и свисают до самого подвесного кресла, которое висит в углу. На потолке висит плетёный абажур в стиле бохо, и его тени пляшут по стенам, когда я включаю ночник. Здесь уютно. Здесь тихо. Кровать расположена у самой стены, застелена мягким пушистым пледом крупной вязки, поверх которого разбросаны декоративные подушки. Я касаюсь пальцами пледа и чувствую, как он щекочет кожу.

В глубине комнаты, у окна, стоит минималистичный белый письменный стол со старым деревянным стулом, который скрипит при каждом движении. На столе — настольная лампа и органайзеры для канцелярии, которые я ещё не успела разобрать. Над столом висят полки с подсветкой, и на них уже расставлены книги и маленькие фигурки, которые я привезла с собой. Справа от стола — высокий белый шкаф-купе с огромной зеркальной дверцей, в которой отражается свет гирлянд, и мне кажется, что я вижу там своё детское отражение, которое давно исчезло.

А слева, у другого окна, висит плетёное кресло-качели из макраме — такое уютное, что хочется забраться в него с ногами и никогда не выходить. В нём лежат старые плюшевые медведи, которые, наверное, помнят меня ещё маленькой, и декоративные подушки с вышивкой. Комнату украшают живые растения — свисающие лианы плюща и несколько горш-

ков с цветами на полу и полках. На деревянном полу разбросаны мягкие белые коврики, и по ним приятно ходить босиком.

Я беру телефон и делаю селфи. На мне пижама с единорогом, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбиваются непослушные пряди. Глаза слегка припухли от бессонницы, но я стараюсь улыбнуться. Отправляю фото Кэти — моей лучшей подруге, которая осталась там, в моей прошлой жизни.

— Я приехала чахнуть в эту дыру. А ты чем занята? Я скучаю, — пишу я и нажимаю «отправить». — Жаль, что наши встречи теперь только по видео.

Телефон тут же вибрирует, но я не успеваю прочитать ответ, потому что голос мамы пронизывает всю комнату:

— Аврора, иди ужинать!

Я вздыхаю, отбрасываю телефон на кровать и медленно спускаюсь по узкой деревянной лестнице. На кухне, как всегда, тепло и пахнет свежей выпечкой. Здесь царит какой-то старомодный уют, которого мне так не хватало в нашей холодной квартире. Основной цвет кухни — глубокий матовый оливково-зелёный, он успокаивает и расслабляет. Нижние фасады и кухонный остров выкрашены именно в этот оттенок, а столешницы сделаны из натурального дерева тёплых тонов. Деревянный пол скрипит под моими ногами, когда я прохожу к обеденному столу. Верхние шкафы и старый буфет для посуды выполнены в мягком кремовом цвете, а на

стенах — белый плиточный фартук, который поблёскивает в свете зажжённых свечей.

Угловой гарнитур со встроенной техникой выглядит дорого и стильно, но при этом не теряет домашнего шарма. В центре комнаты стоит кухонный остров с двумя деревянными барными стульями без спинок. На нём расставлены свечи и букет полевых цветов в глиняной вазе. Слева я вижу высокий белый буфет с остеклением, внутри которого аккуратно расставлена фарфоровая и керамическая посуда, мягко подсвеченная изнутри. Массивный деревянный стол накрыт кружевной скатертью, а на нём — ваза с тюльпанами, глиняная миска с яблоками и корзина с хлебом. Свет здесь особенный — тёплый и мягкий. Гирлянды-нити, встроенная подсветка под шкафами, плетёный абажур над островом и множество зажжённых свечей в стеклянных подсвечниках. В углу сидит бабушка. Она вяжет, не поднимая головы. Спицы мерно постукивают, из-под них рождается серый шерстяной узор.

Рядом с плитой стоит мама. Она красивая — даже сейчас, даже без макияжа, в простом домашнем платье. Её каштановые кудри рассыпаны по плечам, а золотистые глаза блестят в свете свечей. Она стройная, изящная, как фарфоровая статуэтка. Я смотрю на неё и не понимаю: как можно было изменить такой женщине? Как можно было променять её на другую? Но я молчу. Я не хочу бередить старые раны. Я закусываю губу и смотрю на свои ногти. Красный лак, кото-

рый я накрасила вчера, уже начал облезать на кончиках. Мне неловко здесь. Неуютно. Я чувствую себя чужой среди этих запахов и теней.

Бабушка отрывается от вязания и смотрит на меня поверх очков. Её глаза такие же золотистые, как у мамы, но смотрит она строже, глубже. Она медленно откладывает спицы в сторону и качает головой, разглядывая меня с ног до головы.

— Аврора, дорогая, — произносит она голосом, в котором слышится мягкая укоризна, — ты такой красивой выросла. Помню, какой ты была вредной и капризной. Неужели время тебя не изменило?

Она улыбается, но в этой улыбке я чувствую что-то тёплое, почти настоящее. Я смущённо улыбаюсь в ответ, теребя край своей пижамной футболки. Мама ставит на стол большую миску с рисом и курицей, запах которой разносится по всей кухне.

— О, поверь, мама, — смеётся мать, но в этом смехе слышится усталость, — она стала ещё хуже. Моя дочь очень остра на язык. Настоящая Голден.

Я сажусь за стол, и тарелка обжигает пальцы. Я смотрю на курицу, но аппетита нет. Мама садится напротив, бабушка снова берётся за спицы. Тишина наполняет комнату. Я опускаю взгляд в тарелку и почти не слушаю, о чём они говорят. Мне слышится только шум дождя за окном и мерный стук бабушкиных спиц.

Глава 2

Мы сидим за столом и ужинаем. Я просто ковыряюсь вилкой в тарелке, перекатывая зёрна риса с одного края на другой, в то время как мама что-то оживлённо рассказывает о своей новой работе. Она устроилась редактором в небольшое издательство через свою старую подругу, и сейчас в её голове звучит почти забытая радость. Я должна бы радоваться за неё, но мои мысли сейчас в другом городе. В городе, который остался в прошлом.

Сен-Клер. Я родилась и выросла там. Там остались все мои воспоминания, моя старая жизнь, мои друзья. Наверно, Кэти сейчас, как всегда, тусуется на набережной с Марком и Даней — нашими общими друзьями. Мы всегда там собирались, когда была хорошая погода. Сидели на ступенях у фонтана, пили дешёвый кофе из бумажных стаканчиков, смеялись над глупыми шутками и смотрели, как город зажигает свои огни. Бывало, к нам подходили другие парни и девушки, и мы могли сидеть там до самого утра, обсуждая всё на свете — от смысла жизни до того, какой фильм стоит посмотреть в выходные.

Так я познакомилась со Стасом. Он подошёл к нашей компании с друзьями, кто-то предложил сыграть в «правду или действие», и наши взгляды встретились. Мы стали больше уединяться, гулять вдвоём по набережной, говорить о кни-

гах и музыке. Я помню его руки, которыми он всегда придерживал дверь, когда я проходила, его лёгкую щетину, которая щекотала мои щёки. Наше общение переросло в нечто большее, и мы встречались целый год. Он был моим первым парнем. Первым, кто сказал мне, что я красивая с моими разными глазами. Первым, с кем я почувствовала себя особенной.

Я улыбаюсь, вспоминая наш первый поцелуй. Это было в кинотеатре, на каком-то дурацком фильме ужасов. Он наклонился ко мне и поцеловал так неуклюже, что я чуть не засмеялась, но в этом была своя магия. Я закрываю глаза на секунду, и в моей голове проносится его улыбка, его смех, его объятия. Как же я скучаю по нему.

— Аврора! — голос мамы врывается в мои мысли, и я вздрагиваю. — Ты меня вообще слушаешь?

Я поднимаю голову и вижу, как она смотрит на меня с лёгким раздражением, смешанным с заботой.

— Я спросила, как тебе курица, — продолжает она, поднимая бровь. — Ты уже десять минут просто водишь вилкой по тарелке.

— Вкусно, мам, — отвечаю я, хотя на самом деле не чувствую вкуса. — Просто задумалась.

— Я вижу, — она вздыхает. — Что ты там улыбаешься? Вспомнила что-то приятное?

Я чувствую, как мои щёки теплеют.

— Просто Кэти прислала фото, — вру я, отводя взгляд. Мама недоверчиво смотрит на меня, но ничего не гово-

рит. Она кладёт ложку и поднимается из-за стола.

— Ладно, — говорит она. — Иди ложись спать, если не хочешь есть. Завтра тебе рано вставать. Твой первый день в университете — надо выглядеть свежей.

Я медленно встаю и направляюсь к лестнице. Как только я поднимаюсь на первую ступеньку, слышу недовольное ворчание бабушки. Она не поднимает головы от своего вязания, но я знаю, что это обращено ко мне.

— Когда встают из-за стола, принято благодарить, — говорит она с назидательной строгостью. — А когда идут спать, принято желать спокойной ночи. Разве тебя этому не учили?

Я чувствую, как внутри меня поднимается лёгкое раздражение, но я сдерживаюсь. Вместо этого я разворачиваюсь и с улыбкой смотрю на бабушку.

— Спасибо за ужин, — говорю я вежливо. — И спокойной ночи, бабушка. Спокойной ночи, мама.

Обе женщины смотрят на меня с лёгким удивлением, но я не жду ответа. Я быстро поднимаюсь по лестнице и захожу в свою комнату, закрывая за собой дверь.

Я падаю на кровать и беру телефон. Экран светится уведомлением — Кэти прислала фото. Я открываю его и вижу знакомую картинку: набережная, подсвеченная огнями, они сидят на скамейке, Кэти обнимает Даню, Марк показывает средний палец в объектив, а рядом стоит Стас.

Стас. Моё сердце пропускает удар.

Он улыбается в камеру своей лёгкой, немного застенчи-

вой улыбкой, и я чувствую, как внутри меня что-то сжимается. Мы расстались три месяца назад, когда я узнала о разводе родителей и о том, что мы переезжаем. Я не могла просить его ждать меня. Не могла требовать, чтобы он мучился на расстоянии. Это было бы несправедливо. Но глядя на его лицо сейчас, я понимаю, что моя грусть не ушла. Она просто спряталась глубоко внутри и теперь снова выбралась наружу.

Я ставлю будильник на шесть утра и ложусь на бок, прижимая к себе старого плюшевого медведя, который лежал на кресле, когда я приехала. Наверное, он был здесь ещё с моего детства. Я закрываю глаза, и одна слеза стекает по моей щеке. Я не вытираю её. Пусть течёт. Пусть она заберёт с собой часть моей боли.

Я засыпаю.

Глава 3

Утром меня будит резкий звон будильника. Я морщусь от яркого света, который пробивается через щель в шторах, и накрываюсь одеялом с головой, пытаюсь спрятаться от нового дня.

— Аврора, вставай! Опоздаешь! — голос мамы доносится снизу.

Я вздыхаю, понимая, что спрятаться не получится. Медленно, с неохотой, я выбираюсь из-под одеяла и бреду в конец коридора, где находится ванная комната.

Стены в зоне ванны выложены глянцевой прямоугольной плиткой «кабанчик» глубокого изумрудного цвета, которая переливается при свете. Остальные стены имеют гладкую матовую текстуру тёплого бежевого оттенка, создавая уютный контраст. Тумба под раковиной выкрашена в тёмный хвойно-зелёный цвет, идеально гармонирующий с плиткой. Здесь пахнет лавандой и мятой — должно быть, бабушка развешивает сухие травы в каждой комнате.

Белая встроенная ванна с матовой чёрной сантехникой выглядит современно и стильно. Поперёк ванны лежит деревянная полка-поднос с небольшими свечами, которые никто не зажигает. Раковина — прямоугольная белая чаша, встроенная в тумбу со светлой столешницей. Над ней установлен высокий изогнутый чёрный кран, и вода из него течёт с при-

ятным шумом. Большое круглое зеркало в тонкой чёрной раме висит над раковиной, и я смотрю на своё отражение.

На меня смотрят мои глаза. Разные. Всегда такие разные.

Правый глаз — ярко-синий, почти фиолетовый, как кушечек летнего неба. Ресницы над ним полностью белые, как будто присыпанные снегом, и такая же белая прядь уходит от корней в мои волосы. Левый глаз — золотисто-карий, с янтарным отливом, и над ним ресницы тёмные, естественного цвета. Это моё проклятие и моя гордость одновременно. Люди всегда пялятся. Сначала смотрят на мои волосы, потом на глаза, потом шепчутся за спиной. Я привыкла. Но легче от этого не становится.

Мои волосы сегодня выглядят особенно непослушными. Пышные, упругие кудри разметались по плечам. Тёмно-каштановые, шоколадные локоны с экстремальным прикорневым объёмом делают мою голову похожей на гриву львицы. Я пытаюсь уложить их, но они живут своей жизнью. Я умываюсь холодной водой, чтобы согнать остатки сна, и смотрю на своё лицо. Под глазами — тонкие тени от бессонной ночи. Я добавляю аккуратные стрелки у внешних уголков, чтобы сделать взгляд выразительнее, и немного прохожусь тушью по ресницам.

Я возвращаюсь в комнату и открываю шкаф. Мне нужно выглядеть уверенной, даже если я чувствую себя потерянной. Я достаю классическую белую блузку с воротником и длинными объёмными рукавами. Поверх надеваю облегаю-

щий чёрный сарафан мини на тонких бретельках. Главная деталь этого сарафана — высокий разрез на правом бедре, который придаёт образу дерзость. Я беру свои белые кожаные кроссовки и завязываю шнурки. За спиной — чёрный рюкзак с телефоном и кошельком. Я готова.

— Давай быстрее, Аврора! Мне надо отвезти тебя, а потом на работу! — кричит мама снизу.

Я спускаюсь и вижу её в холле. Она уже полностью собрана: светлый классический костюм, туфли на высоких каблуках, и она наклоняется к зеркалу, чтобы надеть золотые серьги-кольца.

— Ты такая красивая у меня, — говорит она, подходя ко мне и целуя в лоб. — Сегодня тебе выдадут учебники и форму. — она протягивает мне несколько купюр. — купишь себе ланч. Или, может, пойдёшь куда-то с новыми друзьями. Постарайся завести кого-то, хорошо?

Я улыбаюсь и забираю деньги, пряча их в карман рюкзака.

— Хорошо, мам. Спасибо.

Я спускаюсь в прихожую, но бабушка уже стоит там, опершись на свою деревянную палку. Она окидывает меня неодобрительным взглядом с ног до головы.

— Почему такая короткая юбка? — ворчит она. — Ты в университет или на прогулку? В наше время такое не носили. Стыд и позор!

Я закусываю губу, чтобы не сказать что-то резкое.

— Доброе утро, бабушка, — говорю я с неловкой улыб-

кой. — И тебе доброе утро.

Она что-то бурчит себе под нос, но я уже выхожу за дверь, садясь в мамину машину. Чёрный внедорожник Lexus GX 470 — эта машина, наверное, моего возраста, и она постоянно ломается, но мама отказывается от неё избавляться. Говорит, что в ней есть душа.

Мама уже сидит за рулём и подкрашивает губы, глядя в зеркало заднего вида. Она включает радио, и знакомая мелодия заполняет салон. Мы едем в тишине, слушая музыку, пока мама не берёт мою руку в свою и не сжимает её.

— Аврора, — говорит она тихо, не отрывая взгляда от дороги. — Я знаю, что тебе тяжело. Но спасибо, что переехала со мной.

Я чувствую комок в горле и сглатываю.

— Всё хорошо, мам, — отвечаю я, стараясь звучать бодро. — Я освоюсь. Ты же знаешь меня — меня ничем не сломить. Я смеюсь, и она улыбается, отпуская мою руку.

Когда мы подъезжаем, я вижу его. Университет. Главное здание — массивный многоэтажный корпус в викторианском готическом стиле. Он возведён из тёмного красного кирпича и дополнен контрастной светлой каменной отделкой вокруг арочных окон и парадного входа. Центральным элементом фасада выступает высокая башня со шпилем, устремлённая в небо, с узкими стрельчатыми окнами на верхнем ярусе. К главному арочному входу ведёт широкая каменная лестница с чёрными коваными перилами.

Территория вокруг утопает в зелени. По обе стороны от дорожки растут деревья с нежно-розовыми цветами — похожими на сакуру — их ветви усыпаны бутонами, и лепестки кружатся в утреннем воздухе. Большое раскидистое дерево с сочной весенней листвой стоит справа, отбрасывая тень на аккуратный зелёный газон. Через лужайку к главному входу плавно изгибается бетонная дорожка, а вдоль неё стоят две классические лавочки с чёрными металлическими каркасами.

День солнечный и ясный. На синем небе плывут лёгкие, пушистые белые облака. Мягкий дневной свет падает слева, создавая аккуратные тени от деревьев и лавочек на траве.

— Ого, — выдыхаю я, выходя из машины.

Здесь красиво. По-настоящему красиво. Некоторые студенты сидят на траве с планшетами и что-то рисуют. Другие стоят группами, смеясь и обсуждая что-то. Возле входа стоят несколько парней, и один из них внимательно смотрит на меня.

Я ловлю на себе взгляды. Несколько человек оборачиваются, и я чувствую, как их глаза скользят по моим волосам, по моим глазам, по моей одежде. Я знаю этот взгляд. Это взгляд, который говорит: «Что это за странная девушка? Посмотри на её глаза». Мне становится неловко. Я сжимаю ручку рюкзака так, что костяшки пальцев белеют.

— Удачи, детка! — кричит мама из окна, машет рукой и уезжает.

Я остаюсь одна. Я сжимаю рюкзак сильнее, так что пальцы начинают болеть, и гордо иду к зданию. Я не буду показывать им свою слабость. Я не буду прятаться.

Я захожу внутрь. Передо мной — белый большой холл с высокими потолками. По бокам стоят коричневые металлические шкафчики для студентов. Свет мягко падает с потолка, а на стенах висят старые портреты и фотографии выпускников. Здесь многолюдно — студенты снуют туда-сюда, звонки, смех, гул голосов.

На первом этаже должен быть кабинет директора. Прохожу вдоль всех кабинетов, вчитываясь в таблички на дверях. Моё сердце бьётся быстрее. Я нахожу нужную дверь. Она тяжёлая, из тёмного дерева. Я стучу.

— Можно?

— Войдите, — раздаётся спокойный голос изнутри.

Я открываю дверь и вхожу. За большим массивным столом сидит седой мужчина лет пятидесяти. На нём классический тёмно-синий костюм, белая рубашка и галстук. Его лицо обрамляют аккуратные седые усы, а глаза смотрят на меня поверх очков с лёгкой полуулыбкой.

— Доброе утро, — говорю я. — Я Аврора Голден. Новенькая.

Он улыбается тёплой, ободряющей улыбкой и жестом приглашает меня присесть на стул перед ним.

— Садись, Аврора, — говорит он мягко. — Одну минутку.

Он нажимает кнопку на стационарном телефоне, стоящем на столе.

— София, пригласи, пожалуйста, Анну, чтобы она помогла новенькой. — он делает паузу и смотрит на меня. — Аврора Голден, верно? Очень приятно. Меня зовут Михаил Сергеевич, я директор этого университета.

Он откидывается на спинку кресла и внимательно смотрит на меня.

— Итак, Аврора. У нас здесь строго, но справедливо. Ты должна понять это сразу. Мы ценим дисциплину и старание. Прогулы не приветствуются. Если у тебя есть уважительная причина — предупреждай заранее, иначе будут последствия. Оценки здесь влияют на всё: на стипендию, на участие в мероприятиях, на твой статус среди студентов. Я рекомендую тебе серьёзно подойти к учёбе.

Я киваю, слушая его внимательно.

— Также у нас обязательное условие, — продолжает он, поправляя очки. — Каждый студент должен выбрать внеурочную деятельность. Так сказать, кружок по душе. Это влияет на твою итоговую успеваемость и общий рейтинг. У нас есть несколько вариантов: рисование, пение, волейбол или танцы. Выбери то, что тебе ближе, но запишись обязательно. Это не обсуждается.

Я задумываюсь на секунду. Рисование? Я никогда не умела держать кисть. Пение? Когда я пою, соседи вызывают полицию. Волейбол? Может быть... Или танцы? Я любила тан-

цевать в детстве.

— Я подумаю, — отвечаю я вежливо. — И запишусь.

— Отлично, — он кивает одобрительно. — Ты должна также посещать все пары, сдавать зачёты вовремя. Если у тебя возникнут проблемы — обращай ко мне или к твоему куратору. Мы поможем адаптироваться.

В дверь стучат, и на пороге появляется молодая девушка — симпатичная, с короткой стрижкой и дружелюбными глазами. Она улыбается мне.

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич. Вызывали?

— Анна, познакомься, это Аврора Голден. Она сегодня к нам поступила. Покажи ей университет, расскажи про правила, помоги с учебниками и формой. И да — проследи, чтобы она выбрала кружок до конца недели.

Анна кивает и смотрит на меня с теплотой.

— Пойдём, Аврора. Я всё тебе покажу.

Мы выходим в коридор, и я выдыхаю с облегчением. Первая часть дня позади.

Анна ведёт меня по длинному коридору с высокими потолками и старыми деревянными дверями. Она протягивает мне листок с расписанием занятий и маленький металлический ключ с биркой, на которой выгравировано число: 256.

— Это ключ от твоего шкафчика, — объясняет она, поправляя сумку на плече. — Номер 256. Запоминай, чтобы не потеряться. Там лежит твоя форма, учебники, которые я уже принесла, и ещё кое-что.

Мы останавливаемся у развилки, и она поворачивается ко мне, понижая голос до заговорщического шёпота. В её глазах появляется странная серьёзность, которая заставляет меня насторожиться.

— У нас за зданием есть общежитие, — говорит она, глядя на меня внимательно. — Твой номер там тоже 256. Ключи от него лежат у тебя в шкафчике. Это на случай, если ты выберешь кружок и будешь им заниматься после пар — лекции могут затягиваться до поздна. Если ты не сможешь или не захочешь возвращаться домой, можешь остаться там. Вообще, у нас некоторые живут на постоянной основе. Там довольно уютно, если не обращать внимания на странных соседей.

Я киваю, запоминая информацию, но Анна продолжает, и в её голосе появляется предупреждающая нота.

— Мой тебе совет, — говорит она, и её лицо становится серьёзным. — У нас тут есть негласное разделение на классы. «Элита», «букашки» и «невидимки». Тебе лучше придерживаться третьего варианта. Не привлекай внимания.

Она осматривает меня с головы до ног, задерживаясь взглядом на моих волосах и глазах, и печально улыбается.

— Хотя в твоём случае это будет практически невозможно, — добавляет она с лёгкой усмешкой. — С твоей внешностью ты привлечёшь внимание, даже если будешь сидеть в углу и молчать.

Я чувствую, как внутри меня закипает лёгкое раздражение, но я сдерживаю его. Анна продолжает:

— Так вот. «Элита» — это Сесилия, Мерьям и Стейси. Они всегда ходят парой или втроём и думают, что они главные звёзды этого университета. — она закатывает глаза, показывая своё отношение к ним. — Но они могут испортить тебе жизнь, если ты им не понравишься. Также остерегайся Эрика Блэкторна и его шайки. Кстати, Сесилия и Эрик встречаются. Если не хочешь проблем, даже не смотри на них. Вообще. Даже когда они будут цеплять тебя — просто игнорируй. Не отвечай, не смотри в глаза, не дыши в их сторону. Поняла?

Я чувствую, как мои ладони начинают потеть. Эрик Блэкторн. Имя звучит угрожающе. И знакомо? Нет, наверное, просто кажется.

— И ещё, — продолжает Анна, повышая голос, чтобы я точно запомнила. — На философии лучше всегда проявлять инициативу и отвечать первой. Преподавательница, миссис Кроу, знатно потреплет тебе нервы, если увидит, что ты отсиживаешься. Форма твоя уже в шкафу. Носи её обязательно — это строгое правило. За нарушение будут штрафовать.

Она подводит меня к большой деревянной двери с табличкой «Аудитория 12» и останавливается.

— И ещё, Аврора, — говорит она, поворачиваясь ко мне. — Не доверяй никому здесь. Тут каждый сам за себя. Если начнутся проблемы — тебе никто не поможет. Наоборот, все сдадут тебя с потрохами первым же мученикам, чтобы спасти свои шкуры.

Она мило улыбается, как будто только что сказала, что сегодня отличная погода.

— У нас такого не было, — говорю я озадаченно, чувствуя, как слова застревают в горле. — Как будто я попала в какой-то сериал про элитную школу.

Я смеюсь нервно, пытаюсь разрядить обстановку, но Анна продолжает смотреть на меня серьёзно.

— Если нужна будет помощь или что-то непонятно — мой номер на расписании. Пиши, — она кивает и быстро уходит, оставляя меня одну перед аудиторией.

Она уже отдала мне стопку учебников, остальные лежат в шкафчике. Я перевожу дыхание и толкаю тяжёлую дверь.

Глава 4

Аудитория выглядит так, будто её вырвали из американского фильма про старые университеты. Высочайшие потолки с лепниной, огромные арочные окна, через которые льётся мягкий солнечный свет, большая деревянная доска во всю стену, разделённая на три секции. Ряды деревянных парт расположены амфитеатром, поднимаясь ступенями к задней стене. Каждое место оснащено небольшой металлической подставкой для книг. На стенах висят старые портреты людей в мантиях — наверное, бывшие ректоры или известные выпускники. Лампы дневного света мягко гудят, смешиваясь с шумом голосов студентов, которые рассаживаются по местам.

Я оглядываюсь по сторонам и выбираю свободное место в середине ряда, ближе к окну. Сажусь, кладу учебники на парту и закусываю губу, изучая листок с расписанием. Мне нужно выбрать кружок до конца недели. Рисование, пение, волейбол или танцы. Я никогда не была спортивной, но и рисовать не умею. Пение — это вообще катастрофа. Может, танцы? Я любила танцевать в детстве, пока не бросила из-за переезда.

Я тяжело вздыхаю и откладываю листок в сторону, как вдруг чувствую, что кто-то садится рядом со мной. Я поднимаю голову и вижу девушку. У неё яркие рыжие волосы до

плеч, прямые и блестящие, как огненные нити, и большие зелёные глаза, которые смотрят на меня с любопытством и дружелюбием. На ней тёмно-синяя форма — юбка до колен и белая рубашка. Она улыбается тепло и открыто.

— Привет! — говорит она звонким голосом. — Я Кристина, можно просто Кристи. А ты у нас новенькая?

Я чувствую, как напряжение в плечах немного ослабевает.

— Да, — отвечаю я с лёгкой смущённой улыбкой. — Я Аврора. Приятно познакомиться.

— Ого, Аврора, — она произносит моё имя с интересом. — Красивое имя. Прямо как у принцессы из старой сказки. Ты откуда приехала?

— Из Сен-Клер, — отвечаю я, чувствуя себя немного неловко под её внимательным взглядом.

— Ничего себе! Это же далеко, — восклицает она. — И ты одна переехала? С родителями?

— С мамой, — говорю я коротко, не желая вдаваться в подробности. — А ты? Ты местная?

— О, я из пригорода, — машет она рукой. — Тут полчаса на автобусе. Но я часто остаюсь в общежитии, когда слишком лень ехать обратно. У нас там, кстати, довольно весело. Если хочешь, я могу показать тебе всё после пар.

Я улыбаюсь ей в ответ. Она кажется искренней и открытой.

— Спасибо, Кристи, — говорю я. — Было бы здорово.

— Кстати, — она наклоняется ближе и понижает голос,

— ты уже знаешь про наших местных «королей»?

— Анна немного рассказала, — отвечаю я, чувствуя лёгкое беспокойство.

— Ну, не обращай внимания, — она пожимает плечами. — Мы, «невидимки», как правило, живём своей жизнью. Если ты не лезешь в их дела, они к тебе не приходят. Ну, по крайней мере, обычно.

Я хочу спросить о том, что она имела в виду, но не успеваю.

Дверь аудитории резко открывается, и шум голосов затихает. Я поднимаю голову и вижу, как в аудиторию заходит блондинка. Высокая, с длинными светлыми волосами и ярко-зелёными глазами. Её губы — пухлые, накрашенные ярко-красной помадой, и она смотрит на всех с выражением королевского превосходства. За ней, чуть позади, идёт парень, и я чувствую, как воздух в аудитории становится тяжелым.

Он высокий. Очень высокий. Его светлые пепельные волосы уложены в объёмную причёску с длинной прядью, спадающей на лоб. Его глаза — холодного серо-голубого оттенка и они смотрят на всех с надменным выражением. Его челюсть квадратная, с волевым подбородком, на котором виднеется лёгкая ямочка. Скулы высокие и острые, а на переносице — лёгкая россыпь веснушек, которые почему-то кажутся неуместными на этом холодном лице.

Он одет в чёрную рубашку, расстёгнутую на две верхние пуговицы, открывающую вид на татуировки, которые подни-

маются от груди к шее. Рукава закатаны до локтей, и я вижу, что его руки полностью покрыты плотными чёрно-серыми узорами. На его правой руке, чуть выше запястья, виднеется какая-то надпись готическим шрифтом. Он выглядит опасным. Как хищник, который зашёл в стаю овец.

Он держит за руку ту самую блондинку — Сесилию, как я понимаю. И пока они проходят к своим местам в первом ряду, я чувствую на себе его взгляд. Он смотрит на меня прямо, без стеснения, и на его губах появляется самодовольная улыбка, от которой у меня мурашки бегут по спине.

Я отвожу взгляд. Моё лицо остаётся бесстрастным. Я не хочу показывать ему, что я его боюсь. Я смотрю на свои учебники, изучая корешки книг, но краем глаза я вижу, как Кристина затаила дыхание.

— Это Сесилия и Эрик, — шепчет она, почти беззвучно. — Наша «золотая пара». Такие противные до жути. Не дай бог, если она приревнует его к кому-то. Она способна на всё.

Она делает паузу и добавляет с горечью в голосе:

— Помню, как она меня травила весь прошлый год. Прятала мои вещи, разливала сок на мои тетради, распускала слухи. Я чуть не ушла из университета. Пока Эрик вдруг не осадил её. Не знаю, что на него нашло, но он при всех сказал ей, чтобы она отстала от меня. С тех пор она меня не трогает, но смотрит так, будто я всё ещё у неё в чёрном списке.

Я качаю головой, чувствуя, как горечь поднимается внутри меня.

— Это ужасно, — говорю я тихо. — У нас в университете такого не было. Мы все дружили, общались хорошо... Не представляю, как можно так жестоко относиться к другим людям.

Кристина криво усмехается.

— Добро пожаловать в университет Святого Эдварда, Аврора. Здесь свои правила. Надеюсь, ты быстро научишься выживать.

Лекция по психологии длилась вечность. По крайней мере, мне так казалось. Профессор говорил монотонным голосом о теориях личности, а я смотрела в окно на розовые лепестки, кружащиеся в воздухе, и считала минуты до конца. Мои мысли были далеко, на набережной, у фонтана, где мы сидели с друзьями до рассвета. Здесь всё было чужим. Холодным. Непонятным.

Кристина наклонилась ко мне, прикрывая рот ладонью, и шепнула почти беззвучно:

— Пойдёшь пообедать?

Я повернула голову и увидела её широкую улыбку.

— Тут есть кафе и столовую, — продолжила она, понижая голос до заговорщического шёпота. — Сразу говорю, в столовую лучше не идти. Там эта «элита» ошивается. Они сидят там, как короли, и смотрят на всех сверху вниз. Такое чувство, что они владеют этим местом. Аппетит пропадает на раз.

Она закатила глаза, изображая отвращение, и я почув-

ствовала, как на моих губах появляется улыбка.

— В кафе нужно идти минут пять, — продолжала Кристина. — Но там такая выпечка... Пальчики оближешь. Булочки с корицей, круассаны, пирожные. У них там кондитер — просто гений.

Я почувствовала, как в животе заурчало.

— Да, давай в кафе, — сказала я, стараясь говорить тихо. — Я вчера не ужинала и утром не позавтракала. Я голодная, как волк. Готова съесть хоть слона.

Кристина с трудом сдержала смех, прикрывая рот рукой, и я увидела, как её плечи трясутся от беззвучного хохота. Я улыбнулась ей в ответ, чувствуя, как внутри меня разливается тепло. Кажется, я нашла здесь друга.

— Тише! — раздался строгий голос преподавателя. — Кто там смеётся на задних рядах?

Кристина мгновенно выпрямилась, сделав серьёзное лицо, но в её глазах всё ещё плясали смешинки. Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться вслух.

Когда профессор снова отвернулся к доске, Кристина наклонилась ко мне и прошептала:

— Там, кстати, работает мой друг.

Её щёки мгновенно покраснели, и я заметила, как она смущённо улыбнулась.

— Друг? — переспросила я, приподнимая правую бровь. — А почему ты тогда краснеешь, как помидор?

Кристина ахнула и прижала ладони к своим горячим ще-

кам, пытаясь скрыть румянец. Я тихо рассмеялась, чувствуя, как напряжение уходит.

— Это долгая история, — протянула она загадочно.

Я хотела спросить ещё, но в этот момент я почувствовала его взгляд. Эрик. Он сидел на первом ряду, почти у самой доски, и я чувствовала, как его глаза прожигают меня насквозь. Я не поворачивала головы, но спиной ощущала этот тяжёлый, холодный взгляд. Он смотрел на меня так, будто пытался прочесть мои мысли. Будто я была для него книгой, которую он уже начал читать и не мог отложить.

Я не смотрела на него. Я не хотела даже поворачиваться в его сторону. Вместо этого я устояла в свою тетрадь, рассматривая свои каракули, делая вид, что ничего не замечаю.

Наконец, лекция закончилась. Студенты начали собирать вещи, и гул голосов наполнил аудиторию. Мы с Кристиной вышли почти последними, не спеша, давая потоку студентов схлынуть.

— Пойдём, — сказала Кристина, беря меня под руку. — Я покажу тебе лучшее место в этом университете.

Кафе находилось в небольшом каменном здании в пяти минутах ходьбы от главного корпуса. Оно выглядело как старый английский паб, переделанный в уютную кофейню. Стены были выложены красным кирпичом, а окна украшали кованые решётки с вьющимися растениями. Внутри пахло свежей выпечкой, ванилью и кофе. Этот запах окутывал меня, как тёплый плед, и я почувствовала, как на душе становится

легче.

Интерьер был оформлен в стиле винтаж. Деревянные столы с потёртой поверхностью, мягкие диваны с бархатной обивкой, старые лампы с жёлтым светом, создающие уютный полумрак. На стенах висели старые фотографии города и чёрно-белые портреты неизвестных людей. За стойкой стоял высокий парень с каштановыми волосами и яркими голубыми глазами. Он улыбнулся, когда увидел Кристину, и я заметила, как его лицо осветилось теплом.

— Кристи! — воскликнул он, выходя из-за стойки. — Привет! Кого ты привела?

— Это Аврора, новенькая, — сказала Кристина, и её щёки снова покрылись лёгким румянцем. — Она сегодня впервые у нас. Решила показать ей лучшее место в университете.

Парень улыбнулся мне и протянул руку.

— Джек, — представился он. — Друг этой замечательной девушки. — он подмигнул Кристине, и та покраснела ещё сильнее.

— Очень приятно, — сказала я, пожимая его тёплую руку.

Он провёл нас к свободному столику у окна, откуда открывался вид на маленький внутренний дворик с фонтаном. Джек принёс меню, и мы сделали заказ — два капучино, булочку с корицей для меня и шоколадный круассан для Кристины.

— Ну, рассказывай, — сказала я, откусывая кусочек тёплой булочки. — Что это за долгая история?

Кристина смущённо улыбнулась, помешивая кофе.

— Ну... Мы с Джеком знакомы уже два года. Он всегда был таким... внимательным. Приносил мне кофе, когда я болела. Оставлял записки в шкафчике. Но я думала, что он просто дружелюбный. А потом... он признался мне.

Я приподняла брови.

— И что ты ответила?

Кристина вздохнула.

— Я испугалась. Сказала, что мы просто друзья. Но сейчас... я не знаю. Я думаю, что он мне нравится. Просто я не готова, наверное. Здесь, в этом месте, трудно доверять людям.

Я кивнула, понимая её чувства.

— Я знаю, о чём ты, — сказала я тихо. — У нас было что-то подобное с моим парнем. Стас. Мы встречались год, а потом я уехала. И мы расстались.

Кристина посмотрела на меня с сочувствием.

— Мне жаль, — сказала она. — Это всегда тяжело.

Я пожала плечами, стараясь выглядеть спокойной.

— Бывает. Жизнь продолжается.

Мы ели в тишине, наслаждаясь теплом и ароматами. Я чувствовала, как внутри меня разливается спокойствие. Может быть, здесь не всё так плохо.

Дверь кафе открылась, и я услышала громкий смех. Я подняла голову и увидела, как в кафе заходит Эрик. Его светлые волосы были слегка растрёпаны ветром, и он выглядел так,

будто только что вышел из какой-то опасной игры. Рядом с ним было трое парней — все высокие, смуглые, с дерзкими улыбками.

— Блэкторн, ты видел эту рыжую на психологии? — сказал один из них, хлопая Эрика по плечу. — Я бы с ней...

— Заткнись, — ответил Эрик холодно, но с лёгкой улыбкой на губах. — У тебя вкус как у бабули.

Они сели за столик напротив нас, и я почувствовала, как его взгляд снова прожигает меня. Эрик смотрел на меня с таким пристальным вниманием, что мне хотелось исчезнуть. Но я не поднимала головы. Я не смотрела в его сторону. Вместо этого я сделала глоток кофе и уставилась в окно, делая вид, что мне нет до него никакого дела.

Но я слышала их разговор. Они говорили громко, как будто хотели, чтобы весь зал их слышал.

— Так что там насчёт вечеринки на выходных? — спросил один из них, рыжий парень с веснушками. — Слышал, будет эпично.

— У Дрейка будет хата, — ответил второй, брюнет с серьгой в ухе. — Придёт куча народу. Много девушек, бухло, музыка. Будет жарко.

— Ага, особенно для тебя, Кевин, — засмеялся рыжий. — Ты же как увидишь симпатичную девчонку, сразу язык глотаешь.

— Сам такой, — огрызнулся Кевин. — А ты вспомни, как на прошлой неделе полез целоваться к той блондинке, а она

тебе пощёчину влепила.

Парни засмеялись, а Эрик просто сидел с лёгкой улыбкой, потягивая чёрный кофе. Я чувствовала, как его взгляд периодически касается меня, но я не поворачивалась.

— Блэкторн, — сказал рыжий, толкая его локтем. — Ты с нами или опять будешь в своём углу смотреть на всех, как волк?

Эрик хмыкнул.

— Я всегда смотрю, — ответил он тихо. — И всегда вижу то, что другие не замечают.

Его голос был низким, бархатистым, с лёгкой хрипотцой. Я сглотнула и сделала ещё один глоток кофе.

— Аврора, — позвала меня Кристина, и я вздрогнула, отрываясь от своих мыслей. — Пойдём. У нас через двадцать минут начинается философия.

Я кивнула и быстро допила свой кофе, стараясь не думать о том, что Эрик продолжает смотреть на меня. Мы встали, и я почувствовала, как его взгляд скользит по моей спине, пока я иду к выходу.

У двери я задержалась на секунду и обернулась. Эрик сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на меня с той же самодовольной улыбкой. В его глазах было что-то дикое, хищное. Но я не отвела взгляда. Я просто посмотрела на него, затем повернулась и вышла.

Но внутри меня было странное чувство. Как будто я только что встретила кого-то, кого уже знала. Но не могла вспом-

нить. И это пугало меня больше всего.

Глава 5

Эрик

Чёрный Lexus, старый, с поцарапанным бампером. Она выскользнула из пассажирского сиденья, и я сразу узнал её. Эти волосы. Эти чёртовы волосы. Тёмно-каштановые, дикие, непослушные, как у норовистой лошади, и эта белая прядь у корней — будто природа нагадила специально, чтобы я не мог её ни с кем спутать. Она поправила рюкзак на плече, и я заметил, как её рубашка натянулась на груди. Белая, простая, с длинными рукавами. Сарафан короткий, чертовски короткий, и этот разрез на бедре... Я усмехнулся. Она всегда любила короткие юбки. Даже в десять лет она носила платья выше колен и кружилась в них, пока я сидел на траве и смотрел на неё, как идиот.

Только теперь она не кружилась. Она смотрела на здание с открытым ртом, как дурочка, которая впервые видит красивую архитектуру.

— Удачи, детка! — крикнула ей мать из окна машины.

Мать. Я видел её лицо. Женщина с каштановыми кудрями. Она улыбалась Авроре, но в этой улыбке было что-то усталое. Разбитое. Я знал эту улыбку. Моя мать улыбалась так же.

Аврора повернулась и пошла к входу. Её походка была уверенной. Гордой. Плечи расправлены, подбородок поднят. Как будто она идёт на битву, а не на учёбу. Я хмыкнул. Боец. Она всегда была бойцом, даже когда её никто не видел. Я помню, как она влезала между мной и отцом, когда тот приходил пьяным. Она была маленькой, глупой, беззащитной, но она вставала передо мной, как щит, и кричала: «Не трогай его!» Ей было десять. Десять, мать твою, лет.

Я сжал пальцами подоконник, и костяшки побелели. Она прошла мимо моих парней, которые курили на ступенях, и даже не посмотрела на них. Она прошла мимо меня. Я стоял в коридоре, когда она заходила, и смотрел на неё в упор. Она даже не повернула головы. Прошла, как сквозь пустое место, к кабинету директора, и я слышал, как стучали её кроссовки по каменному полу.

Она не помнит меня. Эта мысль врезалась в мою голову, как лезвие. Я ждал её пятнадцать лет. Каждый день я думал о ней. Ненавидел её. Мечтал о том, чтобы она вернулась, чтобы я мог посмотреть ей в глаза и спросить: «Ты обещала вернуться. Ты обещала, сука!»

Я пробивался наверх ради этого. Я бил морды на ринге, я продавал дерьмо, которое убивало людей, я ломал чужие жизни, я научился взламывать системы, в которые никто не мог проникнуть. И всё ради одного — чтобы она вернулась в этот город и чтобы я мог смотреть на неё, когда она наконец поймёт, что не может сбежать от меня.

Но была и другая причина. Более тёмная. Более опасная. Долг. Тот самый долг, который я должен отдать людям, работавшим с моим отцом. Если я не заплачу — они убьют меня. Или тех, кто мне дорог. Я влез в это дерьмо, чтобы выжить. Но теперь оно настигает меня. И если она будет рядом... они используют её против меня. Я должен держать её на расстоянии.

Я увидел её в аудитории.

Она сидела в среднем ряду, у окна, и листала расписание. Её губы были слегка приоткрыты. Я запомнил их, когда мне было одиннадцать лет: она накрасила губы маминой помадой, чтобы рассмешить меня. Тогда я смеялся. Теперь я смотрел на эти губы и думал о том, как они будут выглядеть припухшими после моего поцелуя. Как они раскроются в крике, когда я войду в неё без спроса. Как она будет кусать их, чтобы не застонать, пока я буду трахать её грубо, до хрипа, до слёз.

«Твою мать, Блэкторн. Соберись.»

Она подняла голову, и я увидел её глаза. Один синий, как небо. Один янтарный, как мёд. Гетерохромия. Грёбаная магия. Она смотрела прямо на меня, и я ждал, что она узнает. Что в её глазах мелькнёт искра воспоминания. Что она ахнет и назовёт моё имя.

Ничего. Пустота. Она смотрела на меня, как на пустое место. Как будто я был мебелью. Как будто я ничего не значил.

«Ты не помнишь. Совсем не помнишь.»

Я усмехнулся. Самодовольно. Холодно. Я хотел, чтобы она видела эту усмешку. Чтобы она знала — я не просто парень из её универа. Я опасен. Я тот, с кем лучше не связываться. Но она отвела взгляд. Она просто смотрела в свои учебники. Её лицо ничего не выражало.

«Какая же ты сука. Ты делаешь вид, что тебе пофиг. Но я знаю. Я вижу, как ты напрягаешься, когда я смотрю на тебя. Ты чувствуешь мой взгляд. Ты не можешь его не чувствовать. Все чувствуют.»

Сесилия что-то говорила мне, но я не слушал. Я смотрел на Аврору. На её шею, тонкую и белую. На ключицы, которые выступали над вырезом блузки. На то, как она закусывала губу, когда думала о чём-то. Мне хотелось подойти к ней, схватить за волосы, запрокинуть голову и впиться в её шею зубами. Оставить след. Кровавый. Чтобы она смотрела в зеркало и видела, что она моя. Чтобы каждый, кто посмотрит на неё, знал: эту суку уже пометили.

Но я не мог. Если я подойду к ней, враги моего отца узнают. Они уже следят за мной. Я видел их машины у моего дома. Я знаю, что они ждут. И если они увидят, что она для меня что-то значит... они используют её.

«Держись от неё подальше. »

Я заставил себя слушать Сесилию. Она говорила о какой-то вечеринке, о том, что ей нужно новое платье. Я кивал, но в голове была только Аврора. Её глаза. Её волосы. Её губы. И то, как они будут шептать моё имя, когда я раздвину

её ноги и войду в неё до упора. Жёстко. Без нежности. Потому что нежность — для слабаков, а она заслужила только боль и удовольствие, смешанные в одно.

Глава 6

Я сидела на философии, и это было ужасно.

Каждый раз, когда миссис Кроу задавала вопрос, она смотрела прямо в глаза, не давая ни секунды на раздумья. Оценки сыпались мгновенно — без предупреждений, без права на ошибку. Сегодня был мой первый день, и я боялась. Не просто нервничала — я действительно боялась. В Сен-Клере такого не было. Там преподаватели давали время подумать, давали шанс исправиться. А здесь... здесь всё было жёстко. Без поблажек. Без второй попытки.

— Так... — сказала миссис Кроу, поправляя очки на переносице. Она была одета в строгий костюм с длинной юбкой, почти до щиколоток. Короткие красные волосы торчали в разные стороны, как будто она только что встала с ветра, а на глазах — ярко-синие тени, которые делали её взгляд почти пугающим. Она обвела аудиторию цепким взглядом и остановилась на мне. — Аврора Голден. Новенькая. Скажи, пожалуйста: смысл как конструктор. Если Бога нет, то мы обречены сами придумывать смысл жизни. Это трагедия по Сартру — или величайшая свобода по Ницше?

Я выпучила глаза и закусила губу так сильно, что почувствовала металлический привкус крови на языке.

Нихера себе, блядь. Вот так сходу — философский вопрос, на который профессора пишут диссертации. Первая

мысль была: «Я не знаю». Но сказать это означало получить двойку в первый же день. Я нервно теребила ручку, чувствуя, как все взгляды устремились на меня — любопытные, насмешливые, равнодушные. Даже Эрик, который сидел в первом ряду, чуть повернул голову, и я ощутила тяжесть его серо-голубых глаз на своей коже. Он смотрел на меня так, будто ждал, что я провалюсь. Будто хотел посмотреть, как я сгорю от стыда.

Я сглотнула, уставилась в тетрадь и начала говорить, чувствуя, как голос слегка дрожит:

— Я считаю, что это ни трагедия, ни безграничная свобода. Это приглашение. Если Бога нет — смысл надо выдумать, и он рухнет вместе со мной. Если Бог есть — смысл надо найти, и он будет вечным. Я выбираю поиск, а не конструирование.

Я подняла взгляд и закусила губу, ожидая приговора. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, и я сжала ручку так сильно, что костяшки побелели.

Миссис Кроу замерла. Её рука с мелом застыла над доской, и она чуть приподняла бровь — едва заметно, почти незаметно, но я это увидела. В её глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Настоящее, живое удивление, которое она быстро спрятала за привычной маской строгости. Она коротко кивнула, но ничего не сказала. Ни слова похвалы, ни замечания. Просто повернулась к остальным и начала спрашивать дальше, как будто моего ответа и не существовало.

— Кристина Дэйвис, — сухо бросила она, поправляя очки. — Ваше мнение.

Кристина рядом со мной вздрогнула и начала что-то бормотать, путаясь в словах, запинаясь, переспрашивая. Она говорила слишком долго, слишком неуверенно, и я видела, как миссис Кроу начинает хмуриться, барабанила пальцами по столу.

К концу урока в воздухе повисла та самая тягучая тишина, когда все ждут оценок. Миссис Кроу открыла журнал и начала зачитывать:

— Голден — четыре. Коротко, но ёмко. В следующий раз разверни мысль.

Четыре. Я выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает плечи. Не пять, но и не три. Для первого дня — нормально.

— Дэйвис — три. Ответ был слишком расплывчатым и неуверенным. Работай над этим.

Кристина рядом со мной возмущенно фыркнула, сжимая кулаки под партой, но смолчала.

Когда мы вышли из аудитории, Кристина вспыхнула, размахивая руками.

— Три! Ты представляешь? Я отвечала целую минуту! Я же старалась! А ты сказала три предложения — и получила четыре! Это нечестно!

Я улыбнулась, поправляя белую прядь волос, и чувствуя, как внутри разливается лёгкое тепло. Впервые за сегодня я

почувствовала что-то похожее на уверенность.

— Ну, может, она ценит лаконичность, — пожалала я плечами. — Я просто сказала то, что думала. Без воды.

Кристина закатила глаза, но уже улыбалась.

— Ладно, Голден, считай, тебе повезло. Но в следующий раз я тебя сделаю!

Я уже хотела ответить что-то смешное, но в этот момент кто-то сильно толкнул меня плечом. Я пошатнулась, едва удержав равновесие, и раздражённо обернулась.

Эрик.

Он прошёл мимо, даже не взглянув на меня, как будто я была пустым местом. Но я видела, как на его губах заиграла самодовольная ухмылка. Он сделал это специально. Мерзавец.

— Эй! — крикнула я, чувствуя, как гнев закипает где-то в груди. — Можно осторожней? Здесь люди ходят, между прочим!

Он резко остановился и медленно, лениво развернулся ко мне. Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как воздух вокруг становится тяжелым, почти вязким. Его серо-голубые глаза смотрели на меня с ледяным спокойствием, но в глубине их плескалось что-то тёмное, опасное. Он был выше меня почти на голову, и его массивная фигура заслонила свет из окна, отбрасывая на меня длинную тень.

— Иначе что? — протянул он, наклоня голову, и его голос звучал низко, бархатисто, с лёгкой хрипотцой. — Заста-

вишь меня? Толкнёшь в ответ? Что ты сделаешь, маленькая Голден?

Он выделил мою фамилию с такой насмешкой, что у меня свело скулы. Я вскинула голову, выпрямилась, пытаюсь казаться выше, хотя понимала, что на фоне него выгляжу как нашкодивший котёнок.

— А ты считаешь, что можешь безнаказанно хамить? — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты думаешь, раз ты Эрик Блэторн, тебе всё позволено?

Он усмехнулся, и эта усмешка была хищной, почти звериной.

— Именно так, дорогая. Всё позволено. И я могу делать всё, что захочу.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент сзади раздался звонкий голос, режущий воздух, как нож.

— Дорогой! Что здесь происходит?

Сесилия. Она подбежала к Эрику, вцепилась в его руку, как собственница, и вперила в меня свой королевский взгляд. Её ярко-зелёные глаза сузились, губы сжались в тонкую линию, и она смотрела на меня так, будто я была грязью под её дорогими туфлями.

— Она тебя толкнула? — спросила Сесилия, поворачиваясь к Эрику, и в её голосе прозвучала стальная нота. — Эта новенькая посмела тебя толкнуть?

— Я? — чуть ли не крикнула я, чувствуя, как краска заливает мои щёки. — Да он сам меня толкнул! Я просто по-

просила быть осторожнее!

Я стояла, упрямо сжав кулаки, и смотрела на них обоих. Мои разные глаза — синий и янтарный — горели гневом, и я чувствовала, как белая прядь выбивается из моей причёски, падая на лицо. Сесилия ухмыльнулась, окинув меня презрительным взглядом с ног до головы, будто оценивая товар на базаре.

— Осторожнее? — протянула она с ядовитой усмешкой. — Ты, наверное, не поняла, где находишься, деревенщина. Здесь не твой захолустный Сен-Клер. Здесь правят сильные. И если тебя толкнули — значит, ты была на дороге.

— Сесилия, — сказал Эрик, и в его голосе промелькнуло лёгкое раздражение, но он не отстранился от неё. Он продолжал смотреть на меня, и в его взгляде читалась странная смесь насмешки и интереса. — Не надо. Я сам разберусь.

— Разберёшься? — переспросила она, нахмутив идеальные брови. — С ней? С этой... пятнистой?

Я вздрогнула, как от удара. Пятнистая. Я слышала это слово столько раз в детстве, что оно должно было бы потерять свою остроту. Но не потеряло. Внутри меня что-то оборвалось, и я почувствовала, как к горлу подступает горькая обида. Я прикусила губу, чтобы не сказать ничего такого, о чём потом пожалею.

Эрик перевёл взгляд на Сесилию, и в его глазах мелькнула тень недовольства.

— Я сказал, я сам разберусь, — повторил он уже жёстче,

и Сесилия на мгновение растерялась, но тут же взяла себя в руки.

— Конечно, дорогой, — проворковала она, прижимаясь к нему ещё теснее и бросая на меня победный взгляд. — Пойдём, я хочу погулять.

Эрик снова посмотрел на меня — долгим, изучающим взглядом, от которого по моей спине пробежали мурашки. В его глазах было что-то опасное, но странно притягательное. Как будто он видел во мне то, чего не видели другие.

— Увидимся, Голден, — бросил он и, развернувшись, пошёл прочь, обнимая Сесилию за талию. Но на его губах всё ещё играла та же самодовольная ухмылка, от которой меня пробирала дрожь.

Я стояла, сжимая кулаки, и смотрела им в спину, чувствуя, как дрожит моя рука. Кристина подошла ко мне, обняла за плечи.

— Не обращай внимания, — тихо сказала она. — Они того не стоят.

— Я знаю, — ответила я, но внутри меня всё кипело. Я провела ладонью по лицу, поправляя белую прядь, и глубоко вздохнула. — Просто... это только первый день, а они уже меня ненавидят. Что будет дальше?

— Дальше будет лучше, — улыбнулась Кристина, сжимая моё плечо. — Ты справишься. Ты сильная, Аврора. Я вижу это.

Я слабо улыбнулась в ответ, но где-то глубоко внутри я

чувствовала, что это только начало. И что Эрик Блэкторн не отстанет от меня так просто.

Глава 7

Когда мы вышли на улицу, мы с Кристи присели на зелёный газон перед главным корпусом. Трава была мягкой и чуть влажной от утренней росы, и я откинула голову назад, подставляя лицо тёплому весеннему солнцу. Свет пробивался сквозь мои закрытые веки, окрашивая всё в оранжево-красный цвет, и я чувствовала, как напряжение постепенно уходит из плеч. Ветер играл с моими волосами, раздувая каштановые кудри, и я с наслаждением вдыхала запах цветущих деревьев и свежей травы.

— Кристи, на какой кружок ты ходишь? — спросила я, не открывая глаз, чувствуя, как солнечные лучи согревают моё лицо.

— На танцы, — ответила она, поправляя свои огненно-рыжие волосы, которые выбились из аккуратного хвоста. — А ты ещё не выбрала?

Я тихо вздохнула и открыла глаза, прищурившись от яркого света. Солнце золотило мои ресницы, делая их почти невесомыми.

— Я безнадежна почти, — призналась я с лёгкой улыбкой. — Я умею только танцевать. Танцую с десяти лет. Но не уверена, что мои танцы оценят здесь.

Я замаялась на мгновение, кусая губу, и Кристина внимательно посмотрела на меня.

— Какие танцы? — спросила она, приподнимая бровь.

Я усмехнулась, чувствуя, как на моих губах появляется озорная улыбка.

— Я танцевала хип-хоп до шестнадцати, а затем перешла на стрип-пластику, — сказала я и улыбнулась, видя, как её глаза округляются от удивления. — Знаешь, пластика, гибкость, умение двигаться так, чтобы все головы поворачивались.

Кристина открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент чья-то тень упала на меня, перекрывая солнечный свет.

Я подняла голову и увидела Сесилию. Она стояла передо мной, скрестив руки на груди, и смотрела на меня сверху вниз с выражением королевского превосходства. Её длинные светлые волосы струились по плечам, а на губах играла ядовитая улыбка. За её спиной стояли Мерьям и Стейси — её верные подружки, которые тоже смотрели на меня с презрением и насмешкой.

— Значит, ты у нас танцуешь как стриптизёрша? — протянула Сесилия, и её голос был сладким, как сироп, но с явной примесью яда. — Забавно. Я и не знала, что в Сен-Клере учат снимать трусы под музыку. Видимо, образование там на высоте.

Она усмехнулась, и её подружки захихикали за её спиной, как стайка противных болонок.

Я медленно поднялась на ноги, чувствуя, как в груди закипает раздражение. Я отряхнула траву с моего чёрного са-

рафана, поправила белую блузку и посмотрела на Сесилию с лёгкой, ехидной усмешкой.

— О, дорогая, — ответила я, склонив голову набок, и мой голос звучал приторно-сладко, почти как у неё. — Если ты считаешь, что стрип-пластика — это только про снятие трусов, значит, ты никогда не видела хорошего танца. Но я могу тебя научить. Правда, тебе сначала придётся научиться хотя бы двигаться в такт музыке. А это, судя по твоей походке, у тебя большие проблемы.

Сесилия побледнела от злости, её глаза сверкнули яростью. Её идеальные брови сошлись к переносице, и она сжала кулаки так сильно, что побелели костяшки.

— Ты... ты смеешь мне грубить? — прошипела она, делая шаг вперёд. — Ты, деревенщина с разноцветными глазами? Ты вообще знаешь, кто я?

— О, знаю, — я улыбнулась ещё шире, чувствуя, как внутри меня разливается холодное удовольствие. — Ты та самая девушка, которая сидит в первом ряду и делает вид, что понимает философию. И ещё ты та, чей парень смотрит на меня чаще, чем на тебя. Правда, дорогая?

Ядовитая улыбка не сходила с моего лица, и я видела, как Сесилия закипает. Её щёки покрылись красными пятнами, а глаза сузились в узкие щёлочки. Её подружки за её спиной притихли, чувствуя, что атмосфера накаляется.

— Ты... ты никто! — выкрикнула Сесилия, и её голос дрожал от ярости. — Ты просто жалкая новенькая, которая во-

ображает из себя невесть что! Ты думаешь, что можешь здесь что-то решать? Ты ошиблась!

Она резко схватила стакан апельсинового сока, который держала в руке, и в мгновение ока выплеснула его прямо на моё платье.

Холодная, липкая жидкость залила мой чёрный сарафан, стекая вниз по белой блузке, оставляя оранжевые разводы на ткани. Я ахнула от неожиданности, чувствуя, как сок просачивается сквозь одежду, касаясь кожи. Меня затрясло от злости.

Сесилия улыбнулась — широко, победно, с явным наслаждением. А её подружки разразились громким, визгливым смехом, который разнёсся по всей лужайке. Несколько студентов, сидевших неподалёку, обернулись и тоже начали ухмыляться, указывая на меня пальцами. Я чувствовала, как краснеют мои щёки от унижения, как слёзы обиды подступают к глазам, но я не хотела давать им эту слабость.

— Ой, прости, — проговорила Сесилия с фальшивой нежностью, прижимая ладонь к груди, — я такая неуклюжая. Надеюсь, твой стриптиз не испортился вместе с платьем?

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. Внутри меня всё кипело, и я чувствовала, как теряю контроль. Белая прядь упала на лицо, и я резко отбросила её назад, делая шаг вперёд.

— Ты... ты пожалеешь об этом, — прошипела я, чувствуя, как мой голос становится низким и угрожающим. — Ты ду-

маешь, что можешь делать всё, что хочешь, потому что ты здесь главная? Ты даже не представляешь, с кем связалась, сука.

Я рванула вперёд, намереваясь вцепиться в её волосы и вырвать каждый светлый волосок, но в следующий момент меня схватили сзади — сильно, грубо, почти жестоко. Чьи-то руки обвилились вокруг моей талии, прижимая меня к твёрдому, горячему телу, и я почувствовала, как меня отрывают от земли и оттаскивают назад.

Я забилась, пытаюсь вырваться, но хватка была стальной.
— Тише, кошка, — раздался низкий, бархатистый голос прямо у моего уха, и я почувствовала, как его дыхание обжигает мою шею. — Показываешь коготки при всех? Не умно.
Эрик.

Я замерла, чувствуя, как его руки сжимают мою талию, пальцы впиваются в кожу сквозь мокрую ткань. Его грудь прижималась к моей спине, и я ощущала его тепло, его запах — смесь кожи, табака и чего-то острого, опасного. Моё сердце бешено колотилось, и я не могла понять, от страха это или от чего-то другого.

— Отпусти меня, придурок! — прошипела я, дёргаясь в его хватке.

Но он только крепче сжал руки, почти до боли, и наклонился ещё ближе к моему уху. Его губы почти касались моей кожи, когда он заговорил:

— Надеюсь, ты танцуешь как кошка, — произнёс он, и в

его голосе слышалась тёмная, опасная насмешка. — Потому что такая дикая, как ты, вряд ли умеет быть грациозной. Хотя... — он сделал паузу и глубоко вдохнул, будто вдыхая мой запах, — ты пахнешь интересно. Сладко.

Я чувствовала, как его дыхание скользит по моей шее, и у меня побежали мурашки по всему телу. Я замерла, чувствуя, как его слова проникают в мою кожу, оставляя жгучий след. Он был слишком близко. Слишком опасен.

— А теперь, — его голос стал жёстким, почти угрожающим, — прекрати устраивать цирк при всех. Иначе я сам тебя уберу. Не здесь, так в другом месте. И тогда никто не придёт тебе на помощь, маленькая Голден.

И он резко отпустил меня. Я пошатнулась, едва удержавшись на ногах, и чуть не упала, если бы не выставила руки вперёд. Я обернулась, чувствуя, как в глазах закипают слёзы злости.

— Придурок! — выкрикнула я, показывая ему средний палец, и мой голос дрожал от ярости. — Ты просто козёл! Ты и твоя мерзкая подружка!

Эрик рассмеялся — громко, холодно, почти зверино. Его смех разнёсся по всей лужайке, и я видела, как его глаза сверкают, когда он смотрит на меня.

— Ты забавная, — сказал он, качая головой, и в его взгляде мелькнула странная смесь восхищения и жестокости. — Серьёзно, Голден. Ты даже не представляешь, насколько ты забавная.

Он подошёл к Сесилии, взял её за руку и, не оборачиваясь, пошёл в сторону главного корпуса. Сесилия бросила на меня победный взгляд через плечо, но я видела, как она сжала зубы от злости — Эрик не дал ей сказать ни слова.

Я стояла посреди лужайки, мокрая, униженная, дрожащая от ярости, с красным лицом и сжатыми кулаками. Кристина подошла ко мне и обняла за плечи.

— Аврора... — начала она, но я перебила её.

— Не надо, — сказала я, и мой голос был глухим. — Я сама. Я с ними разберусь.

Я посмотрела на своё испорченное платье, на оранжевые разводы, и в груди закипела холодная решимость. Эрик Блэкторн думает, что может запугать меня. Он думает, что я сдамся. Что я буду прятаться и плакать в углу.

Но он не знает меня.

Я не буду прятаться. Я буду танцевать. Прямо перед ним. И он увидит, на что я способна. Он пожалеет, что связался со мной.

Я вытерла слёзы злости и улыбнулась — криво, но твёрдо.

— Я иду на танцы, — сказала я Кристине. — И я покажу им всем.

Я зашла в раздевалку, надеясь переодеть испорченное платье. Сок уже начал подсыхать, оставляя липкие оранжевые разводы на ткани, и я чувствовала себя грязной, униженной, выставленной на посмешище перед всей этой лицемерной толпой.

Но когда я открыла свой шкафчик номер 256, у меня перехватило дыхание.

Красная краска. Яркая, кричащая, размазанная по металлической дверце неровными, злыми мазками. Кто-то вывел огромными буквами: **«СТРИПТИЗЁРША»**. Буквы были кривыми, грубыми, словно рисовали в ярости, и краска ещё не до конца высохла — она стекала вниз тонкими кровавыми ручейками, оставляя следы на полу.

Я замерла, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Мои пальцы сжали ручку шкафчика так сильно, что костяшки побелели. Я открыла его, и внутри меня всё оборвалось.

Моя форма. Тёмно-синяя юбка и белая рубашка, которые мне только вчера выдали, были изрезаны. Не просто порваны — изрезаны, словно ножом, на мелкие лоскуты. Рубашка была разрезана от ворота до самого низа, а юбка превратилась в лохмотья, которые болтались на вешалке, насмехаясь надо мной. На них тоже было что-то написано чёрным маркером — я не могла разобрать, но буквы были жирными, злыми, оскорбительными.

Сзади раздался звонкий, противный смех. Я медленно обернулась и увидела Сесилию, Мерьям и Стейси, стоящих в дверях раздевалки. Сесилия улыбалась победно, скрестив руки на груди, а её подружки хихикали, прикрывая рты ладонями.

— Ой, какая жалость, — сладко протянула Сесилия, делая вид, что ей искренне жаль. — Кто-то испортил твою фор-

му, новенькая? Наверное, это сделал тот же человек, который облил тебя соком. Какой ужас!

Она рассмеялась, и её смех разнёсся по всей раздевалке. Несколько других девушек, которые стояли у своих шкафчиков, обернулись и начали ухмыляться. Я видела их лица — холодные, равнодушные, насмешливые. Некоторые отворачивались, чтобы не смотреть мне в глаза, но я чувствовала, как они перешёптываются за моей спиной.

— Смотрите, стриптизёрша осталась без трусиков! — выкрикнула Мерьям, и девушки разразились громким, визгливым хохотом.

— Может, она станцует нам прямо здесь? — подхватила Стейси, и её глаза сверкнули жестоким весельем. — Мы заплатим! У нас есть мелочь!

Я чувствовала, как краска заливает мои щёки, как слёзы обиды подступают к горлу, но я не хотела плакать при них. Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и заставила себя улыбнуться — криво, зло, холодно.

— Значит, ты думаешь, что это смешно? — сказала я, и мой голос был тихим, но в нём звенел лёд. — Ты думаешь, что уничтожив мою форму, ты победила? Ты просто показала всем, что боишься меня, Сесилия. Ты боишься, что я стану лучше тебя. Что я отберу у тебя твоего драгоценного принца. Поэтому ты пытаешься меня сломать.

Сесилия напряглась, её лицо исказила злоба, но она быстро взяла себя в руки, надевая маску холодного превосход-

ства.

— Сломать тебя? — переспросила она с притворным удивлением. — Дорогая, ты уже сломана. Ты приехала сюда с пустыми руками, с пустой головой и с этими твоими страшными глазами. Ты никто. И ты никогда не станешь кем-то здесь.

Она шагнула вперёд, приближаясь ко мне, и я чувствовала запах её дорогих духов — сладкий, приторный, тошнотворный.

— Так что забирай свои лохмотья и убирайся в свой Сен-Клер, — прошептала она злорадно. — Ты здесь не нужна.

Она развернулась и вышла из раздевалки, сопровождаемая своими подружками, которые продолжали хихикать, бросая на меня победоносные взгляды.

Остальные девушки в раздевалке смотрели на меня, и я видела, как их взгляды скользят по моим мокрым, испорченным вещам, по моему лицу, по моим рукам, сжатым в кулаки. Они не говорили ни слова, но я чувствовала их осуждение, их насмешку, их равнодушие. Я стала изгоем. За один день. За одну сцену.

Я стояла посреди раздевалки, дрожа от злости и унижения, и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Я не знала, сколько времени прошло, когда дверь снова открылась.

— Аврора!

Кристина. Она вбежала в раздевалку, увидела мой шкаф-

чик, мою испорченную форму, и её лицо побелело от ярости.

— Они... они издеваются, да? — спросила она, подходя ко мне. — Сесилия это сделала?

Я кивнула, чувствуя, как слова застревают в горле. Голос предательски дрожал, и я сглотнула, пытаясь успокоиться.

— Моя форма уничтожена, — сказала я тихо. — У меня нет ничего, чтобы переодеться. И все смотрят на меня, как на мусор.

Кристина крепко схватила меня за руку.

— Пойдём, — сказала она решительно. — Пойдём в общежитие. У меня там есть запасная форма. Она тебе подойдёт по размеру, мы почти одинаковые. А эти... эти твари ещё получают своё.

Я чувствовала, как её рука сжимает мою, и где-то глубоко внутри зажглась искра благодарности.

— Спасибо, — прошептала я, и мой голос был хриплым от сдерживаемых слёз. — Ты единственная, кто не отвернулся от меня.

Кристина улыбнулась, но в её глазах тоже горела злость.

— Я всегда буду на твоей стороне, Аврора. Пошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.